

НОВОГОДНИЙ МЮЗИКЛ НА СВОИ СТРАХ И РИСК

Рассказ А. Новгородовой, педагога дополнительного образования из Вологды

ЗАПИСАЛА М. ГАНЬКИНА

Главное — ничего не бояться. Технические возможности ограничены? Ну и что! Зато фантазии у детей — хоть отбавляй.

Сначала четверти мне всё хотелось порадовать школу чем-то необычным, радостным, одухотворённым и музыкальным. Решила, что это будет мюзикл на сюжет «Синей птицы», о чём сразу же всем и объявила. Мы даже анонс повесили.

И вот мы с ними из трёхчасовой пьесы Метерлинка сделали небольшой сценарий. Дети отправляются за Синей птицей и в конце концов возвращаются обратно, потому что птица-то, оказывается, у них дома.

На сказочное путешествие у нас было отведено только две сцены — в лесу и ночная сцена, где детей пугают разнообразными призраками, болезнями и войнами. А ещё были два номера — танец звёзд и полёт птиц.

Как сделать птиц?

Основная проблема была, конечно, в птицах. В пьесе такие слова: «Ой, сколько птиц! Посмотри! Они летают, они кругом!»

Не знаю, как это место было решено в знаменитом спектакле Станиславского во МХАТе. У них, наверное, был муляж какой-нибудь, а я терпеть не могу муляжей. Конечно, в профессиональном театре птиц можно светом сделать или ещё как-нибудь. А у нас возможности ограничены. И мы придумали вот что.

Я попросила начальные классы наделать нам как можно больше разных птичек из синей бумаги. И в тот момент, когда Митиль открывала дверь, из-за ширм мои дети пачками кидали их на сцену.

Тильтиль и Митиль ловили их, поднимали с полу, подбрасывали и говорили: «Ой, посмотри, сколько птичек!» А потом ахали: «Посмотри, они умерли». И собирали их в охапку (собрать нужно было всё для следующей сцены в лесу).

137

Сведения
об авторах
[143 – 144]

Волшебные превращения

В пьесе много превращений: оживший хлеб, сахар. У нас была игрушечная собачка, игрушечная киска на лавочке, воду обозначал кувшин, сахар — стеклянная банка с сахарным песком. Огонь — муж мой нарисовал красивый очаг.

А ещё мы придумали двойные ширмы, которые можно переворачивать. Фей говорит мальчику: «Поверни алмаз», — в этот момент выключался свет, и мои артисты быстро выбегали на сцену. Хлеб становился к хлебнице в какую-то позу, Вода, Огонь, Кошка, Собака — тоже расходились по своим местам. А ширмы у нас в это время переворачивались внутренней стороной, которая была украшена серебряными звёздами. И было понятно, почему стены вдруг так засияли. Потому что в этот волшебный момент всё изменилось.

Всем миром

Школа у нас старая, конца 60-х. И есть в ней так называемый кинозал. То есть зал, в котором нет ни кулис, ни задника — только небольшая приподнятая эстрада, метра три глубиной и шесть в ширину. Вот такая крохотная сценочка.

Есть занавес, красивый и плотный. Но он не движется (механизм сломан). Поэтому для смены картин в мюзикле мы выключали свет. Задник и ширмы я сделала чёрными.

В подготовке спектакля я заняла разные классы: одни танцуют, другие шьют, третьи птичек нам делают. Учителя труда помогали шить костюмы. На уроках рисования все классы готовили большущих синих птиц, которыми мы украсили зал. Так что мероприятие было общешкольным на самом деле.

Самих актёров у нас получилось 30 человек: главные действующие лица плюс пять Звёзд, четыре Снежинки, шесть Призраков, пять Деревьев (с Корнями). Все они у меня, естественно, за ширмами не помещались, потому что на 18 кв. м просто негде повернуться. Поэтому Звёзды во время представления у нас сидели в зале.

Насморк в сапогах

Декабрь. У нас в школе, когда сильные морозы, то в кинозале — не выше восьми градусов тепла. Пар идёт изо рта — просто ужас какой-то.

Мы тут опять объявили по школе общий сбор — законопатили в кинозале все окна, забили двери. Чуть-чуть стало теплее.

Во время репетиций мы ещё могли быть в шубах и валенках. Но вот во время спектакля, когда на тебе уже красивый костюм, ты уже не можешь на себя ничего тёпленького накинуть. А в день премьеры, между тем, на улице была холодрыга.

На последнем спектакле я своей дочке, которая играла Насморк, сказала: «Нина, надень сапоги, я тебя прошу». И вот Насморк вышел в легонькой ночной рубашечке и в таких длинных зимних сапогах на молнии.

А Звёзды танцевали босиком! Мало того, лежали голым пузом на полу. Но утепляться наотрез отказались.

Пусть поют, как могут

В мюзикле, в первую очередь, петь должны. И вот мои исполнители пришли к учительнице музыки, чтобы она их послушала. Она послушала, пришла в ужас

А. НОВГОРОВОДА

НОВОГОДНИЙ МОЗИКЛ НА СВОИ СТРАХ И РИСК

и сказала: «С ними года два надо работать, чтобы они у вас запели!» Я говорю: «Нет, мне надо, чтобы через две недели». Она всплеснула руками и говорит: «Ну пусть поют, как могут».

Основные мои рекомендации по пению сводились к следующему. Главное, говорила я, — пойте громко (в нашем кинозале акустика очень плохая).

И вы знаете, они организовались. Одни, у кого какие-то хорошие данные, правильно пели с самого начала, другие к ним прислушивались и более-менее подстраивались. Если кто-то откровенно фальшивил, то я говорила: «Женя и Таня, пойте потише, пожалуйста!». Они не обижались и пели потише.

Детские песни о любви

Оказалось, что музыкальное оформление спектакля — это просто-таки бич. Сделать фонограмму очень дорого.

Тогда я стала искать готовые песни. И вдруг мне попала кассеточка, которая называется «Детские песни о любви» (Гуцилюк — я даже не знаю, мужчина это или женщина). Очень хорошие фонограммы: на одной стороне со словами, на другой — минусовки.

Слова можно публиковать в качестве дурного образца: «У Вани лопатка, совок у Тани. Любовь наша с детства живёт между нами». Но мелодии очень хорошие. Мы их и взяли. Мне даже потом хотелось этого Гуцилюка найти и сказать: «Вот, посмотрите, что можно сделать на ваши чудесные мелодии».

Сначала я хотела сделать в спектакле только одну песню. Тогда они все начали говорить: «А почему Насморк поёт, а я ничего не пою? Я тоже хочу». И тогда всем желающим я сочинила по песенке. А их так трудно оказалось сочинять!

В заключительной общей песне готов был только один куплет. Но что за песня с одним куплетом? Нужен второй. Вы не представляете, я спать не могла. Я уже всем надоедала, даже мужа просила сочинить хотя бы несколько строк. И в конце концов в день генеральной репетиции, где-то в транспорте, у меня лихорадочно сложились недостающие строчки — дурацкие, честно говоря. Зато припев оказался очень хорошим. Весь зал начинал хлопать и подпевать.

Музыка для танцев

И еще раз мужу спасибо: он помогал выбирать музыку для танцев. Деревья, например, двигались под «Ромео и Джульетту» Прокофьева. Танец деревьев мы сделали очень как-то быстро и легко. Движения сочинялись по ходу.

Кот приходит и разговаривает с деревьями, но они неподвижны и не отвечают ему. Потом приходят дети и поворачивают алмаз, и вдруг Прокофьев со своим «пам-пам-пам», и деревья оживают и начинают медленно двигаться. Потом — «бабах!» — корни. И вот они все наступают на Тильтиля... На последнем спектакле одна маленькая зрительница попросила, чтобы мама взяла её на колени, — ей стало страшно.

А Призраки в балахонах вырывались из рук Ночи и бегали по залу. Они были жуткие, раскрашенные. Ну и соответственно танец у них был очень экспрессивным.

А танец Звёзд был под электронную — звёздную — музыку. Сюжет танца такой: вначале Звёзды были погасшие, а потом они расцветали. Когда Звёзды

139

Сведения
об авторах
[143 - 144]

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

вышли босые и с голыми пупками и сделали «бултых» на пол, маленькая девочка в зале спросила: «А почему тётки повалились?»

Работа есть работа

Премьера для родителей была вечером в пятницу. А на следующий день пять спектаклей — от начальных до средних классов. Восьмым классам мы не рискнули показать: реплики будут отпускать, хихикать. Мы решили их оставить без сладкого — у них была просто дискотека.

И вот актёры как бы во вкус вошли. Они поняли, что это самая настоящая работа. И почти все относились к ней ответственно.

Я в спектакле тоже играла роль — Феи. Мой выход был в самом начале и в конце. А поскольку звукооператора не было, мне — Фее — приходилось, зверски оглядывая зал, накидывать пальто, вылезать из-за кулис и садиться на музыку (аппаратура в зале размещалась).

Самые хорошие спектакли были для 6–7-х классов. Я думала, что шума будет больше, потому что зал был набит битком. Представьте, каково семиклассникам сидеть по три человека на маленьких банкеточках без спинок. И тем не менее смотрели очень напряжённо. Может, прикидывали, смогут ли они так? Во всяком случае, после спектакля многие ходили за мной и спрашивали: «А можно к вам в театральную записаться?»

А кто играл, так те просто герои дня. Их, что называется, стали узнавать в коридорах: «Ой, я тебе знаю! Ты — Хлеб!»

Признание

В течение всего дня премьеры я бегала за школьной администрацией по пятам: «Вы не забыли, что вам надо прийти посмотреть спектакль?» Пришли и завуч, и директор.

После спектакля завуч встала и говорит: «Нельзя сказать, что мы получили удовольствие. Мы получили ОГРОМНОЕ удовольствие». Как-то она очень хорошо, красиво сказала. Я думаю, дети почувствовали, что они нужны, любимы.

...Конечно, показать наш спектакль профессиональному режиссёру мне бы страшно было — он живого места, наверное, не оставил бы. Знаете, мы ведь не боялись ничего, в смысле, что всё можно. А почему нельзя, если в результате получился замечательный спектакль? Такой цельный, добрый, такой одухотворённый...

[115 – 122]
Сценарии
и алгоритмы

140